

Абдуллаева Заира Рабадангаджиевна

СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА МЕУСИШИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу системы вокализма одной из уникальных единиц дагестанских языков – одноаульного меусишинского говора муиринского диалекта даргинского языка, который до сих пор не был объектом специального изучения. Он распространён в селении Меусиша Республики Дагестан. Говор сохранил множество фактов и явлений, ценных для воссоздания истории дагестанских языков, в частности даргинского. Основное внимание автор уделяет гласным звукам говора в сравнении с литературным языком и другими диалектами даргинского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.351.22

Филологические науки

Статья посвящена анализу системы вокализма одной из уникальных единиц дагестанских языков – одноаульного меусишинского говора муиринского диалекта даргинского языка, который до сих пор не был объектом специального изучения. Он распространён в селении Меусиша Республики Дагестан. Говор сохранил множество фактов и явлений, ценных для воссоздания истории дагестанских языков, в частности даргинского. Основное внимание автор уделяет гласным звукам говора в сравнении с литературным языком и другими диалектами даргинского языка.

Ключевые слова и фразы: дагестанские языки; даргинский язык; муиринский диалект; меусишинский говор; вокализм.

Абдуллаева Заира Рабадангаджиевна*Дагестанский государственный педагогический университет**b_musa@mail.ru***СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА МЕУСИШИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА[©]**

Звуковая система даргинского литературного языка по сравнению с некоторыми родственными дагестанскими языками несложная. В ее составе всего 37 исконных согласных и 5 гласных фонем. Отсутствуют непридыхательные глухие, геминированные и лабиализованные согласные, широко представленные в родственных дагестанских языках. Однако звуковая система ряда диалектов довольно сложная [9, с. 27].

Меусишинский говор муиринского диалекта даргинского языка характеризуется системой гласных и согласных звуков как общих, так и отличных от фонетических систем литературного языка и других диалектных единиц даргинского языка. С. М. Гасанова отмечает, что в «звуковом составе меусишинского говора имеют место в основном те же фонемы, что и в литературном языке. Однако есть в нём и свои отличительные особенности» [6, с. 227]. Рассматриваемый говор отличается не только наличием определённого количества звуков, специфических фонем, но и соответствием отдельных гласных и согласных звуков в отдельных словах, а также характерными для него звуковыми процессами.

Относительно гласных даргинского языка в научных трудах лингвистов обнаруживается разный в количественном и качественном отношении состав гласных. Например: П. К. Услар [10] выделяет десять гласных, Л. И. Жирков [7] – пятнадцать, С. Н. Абдуллаев [2] – четырнадцать, А. А. Магометов [8] – двенадцать, Ш. Г. Гаприндашвили [5] – семнадцать, З. Г. Абдуллаев [1] – пятнадцать, М.-С. М. Мусаев [9] только в литературном языке – пять и др. Как видно, в трудах исследователей даргинского языка имеются спорные моменты, заметные противоречия, иногда – взаимоисключающие.

По определению З. Г. Абдуллаева, «всё, что в науке сказано относительно того или иного из указанных гласных (*a, ə, e, u, y* – З. А.) в одинаковой мере касается как диалектов даргинского языка, так и литературной нормы» [1, с. 9]. Видимо, с этим связано отсутствие характеристики гласных рассматриваемого говора в работе С. М. Гасановой «Очерки даргинской диалектологии» [6].

Система гласных рассматриваемого говора располагает следующими звуковыми единицами: *a, ə, э (e), u, y, o, ы*. В даргинском литературном языке система гласных представлена семью звуками: *a, ə, e (э), u, y, o, ы*, где звуки *o, ы* (как и в меусишинском говоре) служат для передачи соответствующих фонем заимствованных из русского языка лексических единиц.

Попытаемся дать краткую характеристику гласных говора. По вертикальному положению языка гласные меусишинского говора делятся на следующие группы: верхнего подъёма – *u, y*; среднего подъёма – *э (e)*; нижнего подъёма – *a, ə*. По горизонтальному положению языка гласные рассматриваемого говора распределяются на такие группы: переднего ряда – *ə, э (e), u*; заднего ряда – *a, y*. В зависимости от участия или неучастия губ в образовании гласных звуков говора выделяют лабиальные (*y*) и нелабиальные (*a, ə, э (e), u*) гласные.

Гласный *a* – нелабиализованный гласный заднего ряда нижнего подъёма. В меусишинском говоре и в литературном языке соответствует русскому гласному звуку *a*. В слове встречается во всех позициях: *a* «молозиво», *арц* «серебро; деньги», *варкк* «внутренность», *варх* «вместе; рядом», *арбукъибра* «отнёс», *балкка* «молитва» и др.

По поводу образования гласного *a* особых дискуссий не отмечено. П. К. Услар [10, с. 6-8], отмечая свойства гласного *a* в образовании различных звуковых единиц, не даёт его артикуляционные характеристики. Л. И. Жирков [7, с. 23], А. А. Магометов [8] не коснулись данного вопроса. С. Н. Абдуллаев [2, с. 26] в таблице гласных звук *a* представил как гласный среднего ряда и среднего подъёма. Артикуляционные свойства гласного *a* основательно описал Ш. Г. Гаприндашвили [5, с. 32-33]. Он приводит ряд экспериментальных данных, характеризующих своеобразие артикуляционных органов речи при образовании гласного *a*.

Для обозначения гласных звуков мы пользуемся знаками (буквами) практического алфавита *a, e (э), u, y*. С целью отражения фарингального гласного будем употреблять знак *ə*. Данная буква «имела употребление в даргинской письменности на базе латинской графики до 1938 г. После перевода письменности

на русскую графику (1938 г.) фарингальный гласный *ə* до 1967 г. стал обозначаться то буквой *я*, то буквой *а*. В 1967 г. орфографическая комиссия приняла решение в новых орфографических правилах обозначать данный звук только буквой *я*. Таким образом, в современном практическом алфавите литературного даргинского языка фарингальный гласный, обозначаемый нами здесь буквой *ə*, передаётся буквой *я*. В научной же литературе для передачи данного звука используются ещё и такие буквы: *æ, ä, аь, аI* [1, с. 9]. Вслед за З. Г. Абдуллаевым [Там же, с. 9-10], мы тоже считаем, что из всех семи указанных символов (*æ, ä, аь, аI, а, я, ə*), употребляемых для передачи одного и того же фарингального гласного, нам представляется наиболее удачным символ *ə*.

Данный гласный П. К. Услар характеризует таким образом: «...*ə* имеет совершенно самостоятельное значение; это есть звук, промежуточный между *а* и *е* и соответствующий английскому *a* в словах *and, fat...*» [10, с. 6-7]. З. Г. Абдуллаев отмечает, «что апофоническая оппозиция *ə-а* – довольно редкое явление в даргинском языке, причём встречается оно лишь в ограниченном количестве хюркилинских примеров... В литературном даргинском языке, а также других диалектах (за исключением хюркилинского) мы не встречали примеров апофонической оппозиции *ə-а*. Поэтому данная оппозиция в даргинском языке является индивидуальной, а не общезначимой» [1, с. 20]. Наши наблюдения выявили, что данное явление характерно не только для урахинского диалекта, но и меусишинского говора: *ккалгIə* «дворец» – *ккалгIни* (мн.), *хьар* «груша» – *хьарби* (мн.), *накь* «рука» – *накьби* (мн.).

Гласный звук низкого подъёма с широким раствором резонатора произносится после согласных. Например: *баликь* «рыба», *баркь* «воспитание», *вэв* «крик», *вэкьлэкь* «сорока», *гвэргвэнчI* «крепкий камень округлой формы», *гэвгэв* «пропасть», *гьал* «сани», *гIэвасси* «жирный», *гIэдат* «обычай», *дэв* «битва, сражение», *дахь* «рана», *зангь* «звонок», *кэгIба* «кааба», *кьэик* «выстрел», *кьэдга* «ёжик», *лэжи* «щека», *мэгIна* «смысл, значение», *нэс* «грязь», *пэрчин* «приплюснутый», *пIэцIукI* «урбеч», *рахIму* «милосердие», *сэгIат* «часы», *тэй* «жеребёнок», *тIэкь* «трещина», *хэмкбаркьиб* «хлопнул», *хьэб* «шея», *хIэз* «игра», *цIэба* «тёмный», *чэква* «воробей», *чIэнкIи* «ткань», *ччэркка* «грязный», *кквэгI* «запах», *ккалгIə* «замок», *шэм* «свеча» и др. Таким образом, *ə* зафиксирован в словах после следующих согласных: *б, в, г, гь, д, з, к, кь, л, м, н, п, пI, р, с, т, тI, х, хь, хI, цI, ч, чI*. В литературном языке он не зафиксирован после согласных: спирантов *гь, хь* и аффрикаты *ц*. А в меусишинском говоре – после спирантов *ж, гь, хь*; аффрикаты *ц*; смычного *кI*.

Как правило, гласный *ə* употребляется в серединной (после согласного) и конечной позициях слова: *хьэб* «шея», *дэкь* «тропинка», *ахьэ* «набери (воду)», *бэхьэ* «ударь» и др.

По определению З. Г. Абдуллаева, «гласный *и* в даргинском языке является дистинктивной единицей речи. Его фонематическое значение не вызывает сомнений» [Там же, с. 15]. Гласный в меусишинском говоре *и* встречается во всех позициях слова: *игьбар* «счастье», *икрам* «поклон», *имкан* «возможность», *Ибрагимь* «Ибрагим», *итни* «понедельник», *иштти* «эти», *итти* «те» и др.

О гласном *э* (*e*) П. К. Услар пишет следующее: «*E* встречается весьма редко в виде коренной гласной; чаще всего образуется она от слияния *и* и *а*» [10, с. 7]. Гласный *e* в даргинском языке является самостоятельной смысловозначительной и фонологически дистинктивной единицей речи. Ш. Г. Гаприндашвили утверждает, что «гласный *e* в диалектах даргинского языка заметно палатализован» [4, с. 11], однако для иллюстрации такого положения автор не приводит примеры.

Там, где в литературном языке или акушинском диалекте представлен гласный *e*, в хюркилинском диалекте ему обычно соответствует гласный *и* [1, с. 15]. Это характерно и для меусишинского говора:

лит. язык хюркилинский диалект меус. говор перевод

бецI бицI бецI «волк»;

нерх нирх нирх «топлёное масло»;

нергь ниргь ниргь «суп»;

белчIес билчIис белчIана «прочитать»;

белкIес билкI^иис белкIвана «написать».

Как видно из примеров, во всех случаях литературному *e* в хюркилинском диалекте соответствует *и*, но в меусишинском говоре – не всегда. Этот факт ещё раз говорит о том, что функционирование данного говора на территории, граничащей с территориями трёх диалектов даргинского языка, повлияло и на его фонетические особенности.

В даргинском языке буква *e* употребляется для передачи звукового комплекса *йэ*. Такое использование гласного *e* ограничено лишь несколькими примерами: *ерили* «совсем» (правильнее было бы: *йерили*), *ери-юрт* «дом, имение» (правильнее было бы: *йери-йурт*) [Там же, с. 18].

Для передачи гласного звука *э* в начале слова в даргинском языке используется буква *э*, а после согласных – буква *e*. В литературном языке слова с *э* в начальной позиции редко встречаются: *эгер* «если», *эмхIе* «осёл», *эмхIерухь* «мул», *эркинси* «вольготный», *эс* «сказать», *эски* «устаревший», а в меусишинском говоре – ещё реже: *эгер* «если», *эркинил* «вольготный», *эрттара* «взвинтиться; нарываться», *эски* «устаревший». В серединной позиции он представлен шире: *берквала* «еда», *аберхур* «кончился», *белчIутти* «учёба», *берчIутти* «спасение», *каберттиб* «разломал», *каберхур* «закончился», *хлаберкун* «не съел» и др.

В литературном языке и во многих диалектах даргинского языка в конечной позиции (в открытом слоге) *e* зафиксирован, но в рассматриваемом говоре встречается в единичных случаях. Ср.: лит. язык *эмхIе* «осёл», кубачинский диалект *уцце* «брат», мекегинский диалект *хьуке* «на поле», цудахарский диалект *ваьссе* «плохой», бутринский говор *нухьале* «нами», мюрегинский диалект *бегIме* «родители», кадарский диалект *жагале*

«красиво»; меусишинский говор *нуссе* «сыр», *гьете* «туда (в сторону)», *гьеле* «туда (на то место)», *гьехе* «туда (вниз)», *гьекле* «туда (наверх)», *гьеше* «сюда».

Гласный *e* в словах литературного языка может быть представлен более одного раза. Такие примеры в единичных случаях зафиксированы в указательных местоимениях рассматриваемого говора: *гьетeb* «там», *гьелеb* «там (на месте)», *гьехеb* «там (внизу)», *гьеклеb* «там (наверху)», *гьешeb* «здесь». В основном отмечены слова с присутствием только одного *e*. Например:

лит. язык меус. говор перевод
бeбшeс бeбшaрa «убежать»;
бeлгьeс бeлгьeвaнa «зарезать».

Относительно гласного *y* взгляды лингвистов менее противоречивы, нежели воззрения о других гласных. «В научной литературе делается попытка связать гласный *y*, так же как и гласный *o*, с «дифтонгами?» [Там же, с. 40]. Первая такая попытка восходит к П. К. Услару: «*У* произносится всегда чисто и ясно. В дифтонгах заменяется она постоянно через *w*... *У*, встречаясь с *a*, обыкновенно превращается в *w*, напр., *урхьy* – море, *агули* – не будучи, без, *урхьaгули* – без моря... В составных словах *y* после гласной обыкновенно превращается в *w*, напр., *хьaиxьyс* – спуститься, вм. *хьaиxьyс*» [10, с. 7-9]. Гласный *y* можно было бы назвать гласным восходящей лабиализации, так как при его произношении губы вытягиваются вперед и (потом) округляются» [1, с. 41-42]. Подвергнув экспериментальному анализу артикуляционные свойства гласного *y*, Ш. Г. Гаприндашвили отмечает, что корпус языка при артикуляции *y* имеет шарообразную форму [5, с. 38].

В меусишинском говоре гласный *y* в слове может быть в любой позиции, но чаще всего употребляется в его начале и середине: *y* «имя», *уница* «дверь», *урхьy* «море», *уЛиллиб* «внизу», *уци* «брат», *уциухьала* «ключ», *уркьyли* «доска», *руцикьар* «двоюродная сестра», *дубура* «гора», *гьyтy* «ослёнок», *буркку* «найдёт», *вакyбу?* «пришёл?».

Сведения о гласном *o*, имеющиеся в научной литературе по даргинскому языку, настолько противоречивы и недостоверны, что по ним трудно себе представить не только фонологические и дистрибутивные свойства этого гласного, но и ареалы его существования [1, с. 42]. Описывая хюркилинский диалект, П. К. Услар пишет следующее: «Много есть поводов усомниться в необходимости ввести гласную *o* в хюркилинскую азбуку... На мой слух *wa* и *oa*, *ws* и *oэ* в устах туземцев звучат одинаково, или представляют отличия, не подлежащие письму, но туземцы полагают, что должно писать: *дисьoан* – как нож, а не *дисьwan*; *oяxли* – гости, а не *вяxли*» [10, с. 7].

В работе «Грамматика даргинского языка» Л. И. Жирков [7] ограничивается лишь перечислением гласного звука *o*. По мнению А. А. Магометова, гласный *o* не характерен для кубачинского диалекта, как и вообще для даргинского языка [8, с. 37]. Автор «Грамматики даргинского языка» С. Н. Абдуллаев полагает, что гласный *o* употребляется в даргинском «лишь в заимствованиях из русского языка» [2, с. 23]. Экспериментально исследуя фонетику даргинского языка, Ш. Г. Гаприндашвили не обошёл вниманием гласный *o*: «В диалектах даргинского языка гласный *o* наблюдается позиционно как результат слияния элементов дифтонга *wa*. Часто встречается этот гласный в литературном произношении в заимствованных словах» [5, с. 180]. Результаты его экспериментальных исследований подвергает критике автор монографии «Даргинский язык» З. Г. Абдуллаев. Он уверен в том, что «гласный *o* существует не только в хюркилинском диалекте, но и в других диалектах даргинского языка, где представлены лабиализованные согласные» [1, с. 50].

Присутствие разногласий относительно гласного *o* говорит о его функциональном существовании в даргинском языке в целом. Подытоживая всё вышесказанное, можем утверждать, что в исконной лексике даргинского литературного языка гласный *o* функционально отсутствует. Он представлен только в заимствованных из русского языка словах. Не являясь исконно даргинским звуком, гласный *o* в заимствованиях из русского языка заменялся звуком *y*: школа – *ушкyла*, район – *райyн*, телевизор – *телевизур*, очки – *Глячки*, телефон – *тилипун*, магнитофон – *магнитaпун* и др. Вместе с тем изобилие заимствований, очевидно, способствует появлению в языке гласного *o* как самостоятельной фонемы.

Данный звук зафиксирован не только в апеллятивной лексике даргинского языка, но и в топонимических единицах. Например: *Урдур* «Ордер» (местность в с. Мургук), *Пиларяма* «Пилорама» (с. Морское), *Ушкyла* «Школа» (с. Меусиша), *Автастанция* «Автостанция» (с. Сергокала), *Амбулaтура* «Амбулатория» (с. Кища), *Айридрум* «Аэродром» (с. Акуша) и др. Воспринимаемое в данное время как простое название *Усккутнай* (с. Меусиша) образовано из двух русских слов «Скотный двор». Встречаются и другие единицы подобного характера: *Силсавет* «Сельский совет» (с. Мургук), *Сырзавуд* «Сырзавод» (с. Меусиша), *Райкумкьала* → *райкум* (*райком*; *районный комитет*) + *кьала* «Райкомкала» (квартал в с. Сергокала, где было расположено здание районного комитета партии Сергокалинского района РД) [3, с. 226].

Относительно мнения З. Г. Абдуллаева о наличии гласного *o* в диалектах даргинского языка, «где представлены лабиализованные согласные» [1, с. 50] в призме анализа фонетического строя меусишинского говора, отмечаем, что здесь отсутствует гласный *o*, хотя наличествуют лабиализованные.

В исконных словах меусишинского говора гласный *y* также не встречается. Он представлен в заимствованиях из русского языка: *ученый*, *дежурный*, *военный* и др.

В рассматриваемом говоре не отмечены долгие гласные, которые функционально представлены в хюркилинском, арбуцком (кубачинском) и некоторых других диалектах даргинского языка. Они отсутствуют и в современном даргинском литературном языке.

Список литературы

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык. М.: Наука, 1993. Т. 1. Фонетика. 286 с.
2. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954. 214 с.
3. Багомедов М. Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: монография. Махачкала: Издательство ДГУ, 2013. 347 с.
4. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка (по данным диалектов): автореф. дисс. ... д. филол. н. Тбилиси, 1956. 39 с.
5. Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1966. 317 с.
6. Гасанова С. М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971. 326 с.
7. Жирков Л. И. Грамматика даргинского языка. М., 1926. 103 с.
8. Магометов А. А. Кубачинский язык: исследование и тексты. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1963. 340 с.
9. Мусаев М.-С. М. Даргинский язык / отв. ред. М. Е. Алексеев. М.: Academia, 2002. 184 с.
10. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1892. Вып. V. Хюркилинский язык. 670 с.

VOCALISM SYSTEM OF MEUSISHA PATOIS OF DARGIN LANGUAGE

Abdullaeva Zaira Rabadangadzhievna
Daghestan State Pedagogical University
b_musa@mail.ru

The article is devoted to the vocalism system analysis of one of the unique units of the Daghestani languages – one-aul Meusisha patois of Muira dialect of the Dargin language, which hasn't been an object of special study yet. It is spread in settlement Meusisha of the Republic of Daghestan. The patois has preserved a great number of facts and phenomena valuable for the Daghestani languages history recreation, particularly the Dargin one. The author pays special attention to the patois vowel sounds in comparison with the literary language and other dialects of the Dargin language.

Key words and phrases: Daghestani languages; Dargin language; Muira dialect; Meusisha patois; vocalism.

УДК 811.112.2' 282

Филологические науки

Предлагаемая статья выполнена в русле «наивной» лингвистики и демонстрирует результаты полевых экспедиций, реализованных на территории Томской области с целью исследования метаязыкового сознания российских немцев. Основываясь на принятой в современном языкознании модели полевой организации языка, осуществляется реконструкция лексического поля, элементами которого выступают единицы словарного состава немецкого говора и русского языка, используемые немцами в метаязыковой функции. Частотность употребления единиц поля в живой речи информантов является основным критерием, который позволяет ранжировать его структурные элементы.

Ключевые слова и фразы: «наивная» лингвистика; отечественная немецкая диалектология; метаязыковое сознание билингвальных говорящих; полевая модель языка; лексические единицы в метаязыковой функции.

Александров Олег Анатольевич, к. филол. н.

Рихтер Стефани Олеговна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
aleksandrov@tpu.ru

МЕТАЯЗЫКОВОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ:
АНАЛИЗ РЕЧИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ[©]

Проект реализуется при поддержке Гранта Министерства образования и науки РФ и ДААД по программе «И. Кант» (11.7158.2013).

Вопросы «ЧТО думает неспециалист о языке и КАК это вербализует» стали предметами новой языковедческой отрасли – «наивной», или «народной» лингвистики. Метаязыковая рефлексия «наивных» говорящих (native speakers) изучается с целью последующего расширения научных знаний о языке, полученных «традиционными» лингвистическими методами. По мнению ряда исследователей, устные народные разновидности языка представляют собой «идеальный» концентрат повседневного восприятия и осмысления мира, потому в последнее время как за рубежом, так и в России наблюдается активный рост публикаций по обозначенной выше тематике, выполненных на материале «малых» языков [1; 3].

К числу миноритарных языков Российской Федерации относятся немецкие диалекты, которые на сегодняшний день сохранились преимущественно на территории Западной Сибири. Предлагаемая статья подготовлена